

решаться в правовом поле. Если этого не может произойти, то или этого не хотят могущественные политические силы, или правовые документы нуждаются в соответствующей редакции – они не полны и/или противоречивы. Возможно, впрочем, и сочетание этих обстоятельств, когда неполнота и/или противоречивость незрелого правового текста используются политическими субъектами.

Есть, правда, знаковые системы, создающие *иллюзию* однозначности и непротиворечивости, а также возможности выхода в область денотатов. Имеются в виду тоталитарные сообщения – политической или религиозной направленности. Утверждается, ли что история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, что в своей истории пролетариат несет объективную всеобщую тенденцию исторического процесса, что, следовательно, только все пролетарское, по своей сущности и ориентации, является подлинным и правильным, или что единственным и действительно существующим богом является аллах, или что право на историю есть только у арийской расы и т.д., - тексты, производимые в тоталитарных системах, семантически идентичны. Субъекты такого сообщества не должны сомневаться в возможности интерпретации господствующей идеологии на область реально существующего. Более того, желательно, чтобы такая интерпретация хотя бы в отдельных случаях осуществлялась: например, верующим необходимы свершающиеся на их глазах чудеса (исцеления, превращения одних веществ в другие и т.п.), идеологически ослепленным людям необходимо знать, что социализм победил сначала в основном, а потом полностью и окончательно, для оправдания нацистской экспансии и арийского превосходства нужно «предоставить» черепа определенных размеров - и т.д. Именно на фоне поиска «реальных» подтверждений тоталитарно ориентированных доктрин возникают всевозможные лженаучные конструкты. В силу такой своеобразной идеологической галлюцинации прочтение тоталитарных текстов становится однозначным. Всякая другая, расходящаяся с легальной, трактовка государственных, например, сообщений исключает ее автора из единого идеологического семантического поля. «Другой» здесь если и осмеливается возникнуть, то оказывается вне коммуникации: в «лучшем» случае, его не слышат. Такого рода «квазиденотативные» семиотические построения говорят о том, что, конечно, сами по себе логические принципы могут успешно выполняться и заведомо ложными контекстами. Иными словами, они вторичны. Тем очевиднее становится важность процедуры выхода в некую реальную область. По этому поводу еще в самом начале XVII века, в тексте, ставшем одним из самых известных в мировой литературе, рефлексирующий персонаж заметил, что «сами по себе вещи не бывают хорошими и дурными...» [3, с.487]. Тот, кто так думает, никогда не будет объектом различного рода коммуникационных технологий, никогда не окажется фрагментом столь пессимистически описанного Ж. Бодрийяром в [4, с. 25-26] «молчаливого большинства», зондируемого идеологическими сообщениями.

Источники и литература

1. Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. – М.: «ДИК», Русское феноменологическое общество, 1997. – С. 25 – 49.
2. Барг Р. Нулевая степень письма // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Изд. гр. «Прогресс», 2000.
3. Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы. - М.: Радуга, 1985.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000.

ВОЗМОЖНЫЕ ФОРМЫ СОГЛАСИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КРЫМУ

Кумкин И.А.

г. Севастополь. Украина

Крым чем-то напоминает большую коммунальную квартиру. В ней живут люди, и каждый ориентирован на свои цели, за которыми стоят свои интересы, потребности, подчас противоположные интересам ближайших соседей. Такова реальность и объективная логика ее развития.

Ойкумена Крыма демонстрирует совокупность больших и малых образований, которые отличаются друг от друга по политическим, этническим, конфессиональным, профессиональным, возрастным, социально-экономическим и другим признакам. И в этом смысле общность людей, проживающих в Крыму скорее условна, чем безусловна.

Анализ этой общности свидетельствует о сложившемся политическом плюрализме, этническом и конфессиональном многообразии и социально-экономическом разнообразии интересов людей, проживающих в Крыму. Это не исключает, а предполагает наличие определенных интеграционных процессов, основу которых составляет механизм социализации. Каждый проживающий в Крыму, ориентирован на поиск своих с последующей идентификацией и символизацией, закрепляющих группу солидарности с претензией на справедливое отношение.

Ядром этой идентичности, выступает то интеллектуальное меньшинство, которое в случае возникновения проблемной ситуации генерирует идеи ее разрешения. Как правило, это те, которых причисляют к интеллигенции. Отсюда следует вывод о различных отрядах интеллигенции в Крыму, которая скорее разделяет, чем объединяет Крым. Но этим процессам дифференциации противостоит и процесс интеграции, основу которого составляют: общая природа, общие проблемы, общая судьба Крыма. Это то, что делает людей, проживающих в Крыму, общностью крымчан. Необходимость решения общих проблем заставляет интеллигенцию, как представительство разных социальных образований идти на поиск согласия через форму диалога, компромисса и толерантности.

Диалог вытесняет противостояние, а компромисс ограничивает групповой эгоизм. И, наконец, толерантность профилирует враждебность. Из этого не следует, что эти формы поиска гражданского согласия в Крыму безупречны. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки, которые проявляются через конкретное содержание отношений. Но кто не знает, что диалог может быть и средством отсрочки решения проблемы. Что касается доверия, то оно условно, а компромисс предполагает границы, которые нельзя нарушать. Но кто знает меру, где заинтересованные стороны обязаны остановиться? Толерантность взывает к терпимости, но толкование терпимости участниками диалога может быть разным. Несмотря на то, что 1995 год был объявлен ЮНЕСКО годом толерантности, о толерантности спорят. Без реализации принципа толерантности все заявления о политике «поликультурности» как инструменте гражданского согласия носят исключительно декларативный характер.

Перекосы социальных отношений и проявление издержек диалога, компромисса и толерантности становятся реальностью, где место субъектно-субъектных отношений автономных свободных и равных индивидов занимают отношения субъекта к объекту, где другой рассматривается как потенциально чужой.

Искусство диалога, компромисса и толерантности надо учиться, и на уровне тех, кто составляет интеллигентное меньшинство, и на уровне тех, кто прислушивается к мнению этого меньшинства. Азбучную истину этой школы составляет то целое, на которое должна равняться каждая его часть. Прав был Аристотель, когда говорил в своей «Политике» о невозможности части обрести свое счастье, когда целое пребывает в состоянии великого несчастья.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ХРАНИТЕЛЬНИЦА СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА И НОСИТЕЛЬНИЦА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Масаев М.В.

г. Ялта. Украина

Термины «символический капитал» и «символическая власть» введены российским профессором А. С. Панариным в работе «Стратегическая нестабильность XXI века» [1]. Развитие этих понятий дано в работе доцента М. В. Масаева «Философия истории» [2].

Вопрос об интеллигенции как хранительнице символического капитала и носительнице символической власти рассматривается в настоящем докладе, содержание которого сводится к следующим тезисам:

1. Символический капитал – это совокупность символов, определяющих поведение людей конкретно-государства, нации или народа, а символическая власть – это власть регуляторов человеческого поведения, символов над умами людей.

2. Символическая власть оказывает воздействие и на общественную идеологию, и на общественную психологию, а также на идеологию и психологию отдельной человеческой личности.

3. Символическая власть воздействует и на психологию, и на идеологию как бы недоосознанно, а практически совсем неосознанно.

4. Действуя неосознанно, незаметно и произвольно, символическая власть затрудняет, а практически делает невозможным всякое сознательное и волевое противодействие, а потому является непреодолимой.

5. Символическая власть осуществляется символами, носителями которых могут быть как представители формальной, так и неформальной власти, как внутри страны, так и на международной арене.

6. Фактически субъектами символической власти могут быть отдельные личности, группы людей, классы, политические партии, органы государственной власти, ветви государственной власти и государство в целом, этносы, нации, народы, группы государств, целые цивилизации.

7. В любом случае хранителем символического капитала, носителем символической власти как отдельных личностей, групп людей, классов, политических партий и т. д. является определённая прослойка людей – это советники, референты, секретари, спичрайтеры политических лидеров, идеологи групп людей, кланов политических партий, властители дум широких масс людей: учёные, писатели, деятели культуры и искусства – короче, интеллигенция.

8. При этом интеллигенция может играть как конструктивную, так и деструктивную роль в обществе в зависимости от того, как она выполняет свою роль как хранительницы символического капитала. Если интеллигенция бережно относится к наличному символическому капиталу общества, она будет способствовать сохранению и его конструктивному развитию. Если же она будет с завистью смотреть на чужой символический капитал и стремиться перенять его самого и вместе с ним чужую символическую власть, то её роль может оказаться деструктивной.

9. Деструктивная роль российской интеллигенции способствовала серии разрушительных революций в России.

10. Попытка части русской интеллигенции, выпустившей в 1909 г. сборник «Вехи», смягчить удары назревшей не без участия интеллигенции катастрофы, оказалась неудачной (не случайно лидер революционного движения интеллигент В. И. Ленин назвал этот сборник энциклопедией либерального «ренегатства»). «Ренегатам» не удалось остановить ни революционеров, ни революцию.

11. Когда, после разразившейся катастрофы революции и разрушительной и кровавой гражданской войны, правительство В. И. Ленина оказалось в безвыходном положении и вынуждено было перейти к НЭ-Пу, группа эмигрантской русской интеллигенции попыталась призвать общество к гражданскому согла-